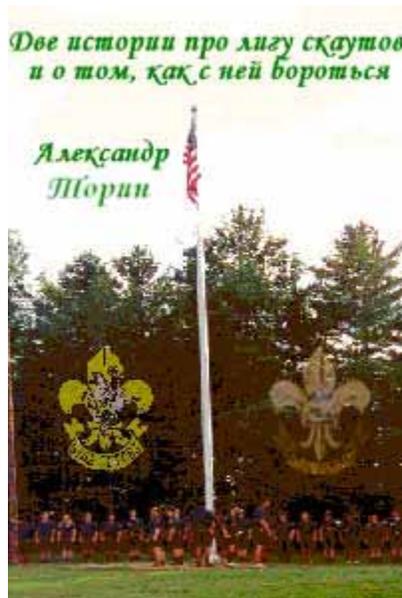

Александр Торин

Две истории про лигу скаутов и о том, как с ней бороться

Copyright © 2002 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

Оглавление:

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. МЫ - ПИОНЕРЫ, ДЕТИ РАБОЧИХ.	3
ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ СО СКАУТАМИ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРНОЙ КАЛИФОРНИИ.	13

История первая. Мы - пионеры, дети рабочих.

Меня с некоторых пор периодически мучает вопрос, на который я так и не смог найти ответа: существует ли какая-нибудь связь между Лордом Баден-Пауэллом и городом Баден-Баденом, в который, расстроившись, по слухам очень любил уезжать Тургенев?

А началось все с нескольких дней, проведенных в Лондонской гостинице имени Лорда Баден-Пауэлла, в самом что ни на есть центре скаутского движения. С тех пор я подозрительно отношусь к лиге скаутов. И, как это не парадоксально, время от времени тоскую по исчезнувшим с лица земли советским пионерам.

Говорят, пионерские дружины были созданы по образу и подобию идеологически чуждых советскому строю скаутских отрядов. Так или иначе, в детстве пионерская организация ни разу не вызвала в моей душе теплых чувств. Я ненавидел гладить пионерский галстук утюгом: чуть зазеваешься, и запахнет горелым стекловолокном, а на красной атласной поверхности появится рваная дыра с черными, обугленными краями. Не осталось у меня в памяти никаких романтических воспоминаний: ни о сборе металлолома или макулатуры, ни о военно-патриотических играх, ни, тем более, о пионерском лагере...

Бррр... Манная каша, компот из сухофруктов и вожатая Лида... Лидия Георгиевна, с мускулистыми мужскими ногами, поросшими кудрявыми черными волосиками, обладавшая железным голосом и широким как блин убежденно-идеологическим лицом. Она заставляла нас до изнеможения маршировать на асфальтированной площадке. Называлось это, кажется, подготовкой к празднику строя и песни. Или песни и строя.

Так что день, когда мы по возрасту выбывали из членов пионерской организации, был чуть ли не самым счастливым в моей жизни. Помню, как толстая и сентиментальная завуч Вера Ивановна произносила прочувственную речь и разрыдалась, снимая с нас обтрепанные галстуки. В тот момент мне даже как-то стыдно стало за свой юношеский цинизм, тем более, что здоровый верзила-акселерант Толька Великов расчувствовался и, когда Вера Ивановна сняла с него галстук, неожиданно заголосил юношеским баском и пустил слезу.

Тем вечером мы с Лехой Коньковым, закадычным моим другом, с наслаждением расстегнули воротнички белых школьных рубашек, и отметили знаменательное это событие бутылкой белого сухого вина и пачкой болгарских сигарет «Опал», наслаждаясь хрипящими записями чего-то модного в то время, кажется, Лед-Зепеллинов. И с тех пор мальчики и девочки в красных галстуках для нас не существовали: мы переросли через досадный период детства, и, руководствуясь революционными принципами, решительно отряхнули его прах с наших ног.

Не ведал я, что призрак тревожного детства, взвивающихся кострами ночей, звуков пионерских горнов, еще неоднократно настигнет меня в зрелости. Да, к тому же, за тысячи километров от Москвы, в капиталистическом мире...

Итак, в самом начале перестройки, мне, подающему смутные надежды научному сотруднику вымирающей Академии Наук, выпало получить приглашение от Королевского Общества Великобритании посетить знаменитый Императорский Колледж с двухмесячным научным визитом.

Стоит ли говорить, как я волновался, особенно учитывая то, что я до тех пор выезжал только в дружескую Болгарию. А уж как встал на рога первый отдел... Но времена неумолимо менялись, к тому же какие-то мои бумаги потерялись, не дойдя до соответствующих органов, и я, попав под колесо истории, стал одним из избранных бывших советских пионеров, приземлившихся в Лондоне.

Я начал подозревать, что чего-то не понимаю в этой жизни, в тот самый момент, когда проходил паспортный контроль в аэропорту Хитроу.

– С какой целью вы въезжаете в Великобританию, – неприязненно спросил у меня хмурый мужик в сером костюме, обладавший по крайней мере тремя подбородками и маленькими пороссячьими глазками.

– У меня приглашение от Королевского Общества, – напыжившись от гордости ответил я, достав из нагрудного кармана бережно сложенную бумажку с гербом и печатью.

– Какое еще такое Королевское общество? – Мужик недоверчиво покрутил бумажку, даже понюхал ее, и посмотрел на свет, явно в поисках водяных знаков. – Чем они занимаются?

Ах, великое Королевское общество! Сэры Исаак Ньютон, Генри Кавендиш, Майкл Фарадей, Джеймс Клерк Максвелл, Чарльз Дарвин... Я аж задохнулся от такого вопиющего невежества... «Сэр, это знаменитое научное общество Великобритании, которое в рядах которого имели честь состоять...» – приготовился произнести я с негодованием, но не успел...

– А, вспомнил, – чиновник яростно выдернул из носа длинный черный волос. – Они с футбольными клубами работают. Спартак-товарищ! Аякс! – он подмигнул мне, и, поморщившись, брякнул штамп в серпасто-молоткастом паспорте.

Поселили меня в приличной довольно-таки гостинице «Кобург», напротив знаменитого Гайд-Парка на улице «Королевская дорога». Гостиницу эту заснял когда-то знаменитый Хичкок в одном из своих фильмов ужасов, поэтому теперь, много лет спустя, переключая телевизионные каналы, я иногда вдруг узнаю на экране маленькую прихожую, в которую меня вместе с чемоданами буквально вытряхнул двухметрового метра черный водитель такси с заплетенным косичками и серьгами в ушах и в носу.

– Двадцать фунтов, – завопил он, закатывая глаза и пританцовывая.

– Королевское общество, – робко возразил я, предъявляя очередную бумажку, – обещало, что такси будет оплачено.

– А чаевые? – Водитель понимающе ухмыльнулся и похлопал меня по плечу. И мне пришлось расстаться с драгоценными фунтами стерлингов, всего день назад полученными под расписку в валютной кассе при Президиуме Академии Наук. Не знаю, как повлияли на это чаевые, но собственно чай в Великобритании оказался ароматен и крепок. До сих пор я время от времени пью крепчайший чай с молоком...

Имперский Колледж Науки и Технологии располагался на другой стороне парка, за знаменитым Альберт-Холлом на улице «Королевские Ворота». Вообще, в Лондоне все было связано с королями и королевой, так что я вскоре перестал удивляться тому, что Королевское общество не вызывает у аборигенов решительно никаких эмоций. Тут и там я наткнулся на таблички типа «Королевское общество страхования на воде», «Королевское общество слепых и глухонемых». И так далее.

Несколько дней я наслаждался прогулками по улицам, знакомством с учеными мужами и лабораториями знаменитого учебного заведения, но, в один прекрасный день, под дверью моего номера оказалось письмо, в котором меня извещали, что в связи с сезонным повышением расценок, Королевское общество вынуждено перевести меня в другую гостиницу. Передо мной извинялись, но выражали надежду, что в конечном счете я оценю тот факт, что новая гостиница расположена просто-таки напротив того самого Императорского Колледжа, и мне больше не придется пересекать парк, добираясь до места работы.

Как нетрудно догадаться, мое новое место обитания оказалось обычной дырой. В комнатах стояла вытертая мебель, к тому же всюду густо пахло керосином, видимо, в гостинице недавно морили клопов или тараканов. В офисе, вернее в прихожей, сидела

надушенная чем-то пряным, скужающая девица с густо покрашенными фиолетовыми веками в рваных колготках. У нее были длиннющие ногти, покрытые красным лаком, и она непрерывно курила. Каждый раз, когда я приходил вечером в свой номер и просил у нее ключ, девица пристально смотрела на меня каким-то двусмысленным взглядом, приоткрывая пухлые губы, выкрашенные темно-красной, почти-что черной помадой, что, надо признаться, меня слегка волновало. Смущали меня, в основном, ее длинные когти.

Еще в гостинице время от времени встречались: менеджер Майкл, толстый парень с пороссячьими глазками в грязной рубашке с обтрепанным воротником, точь-в-точь чиновник из аэропорта, который не хотел давать мне въездную визу, и молоденький мальчик Дэвид в грязном комбинезоне, говоривший на таком ужасном Кокни, что я его почти не понимал.

Тем не менее, в гостинице этой можно было жить, до тех пор, пока...

Короче, однажды вечером, воодушевленный каким-то научным семинаром, я радостно толкнул входную дверь, и...

Что-то было не так. Что-то было совсем даже не так. Каким же еще образом можно было объяснить то обстоятельство, что около входа стояли два пузатых чемодана советско-румынского образца, как две капли воды похожие на мои собственные чемоданы? И почему в коридоре раздавались возбужденные детские крики, а мимо меня сновали мальчики в серых шортах, в до боли знакомых галстуках, пилотках и рубашках пионерского образца. Галстуки у них, впрочем, были зеленого цвета.

– Мистер, – Это покрашенная девица впиалась в меня своим чувственным взглядом. – Мистер, подойдите сюда, пожалуйста.

– А, что, собственно...

– Вам придется освободить комнату, – девица загасила сигарету со следами помады, укусила себя за ноготь и в то самое мгновение утратила свою мимолетную привлекательность. – У нас произошел массовый заезд скаутов.

– Что? – Смысл ее слов еще не окончательно до меня дошел. – Каких еще скаутов? Как это, освободить? Королевское общество оплатило мой номер вперед, еще целый месяц...

– Мы вернем деньги вашему обществу имени дворцовых паразитов, – девица прекратила грызть ноготь. – Извините, но вам придется переехать.

– Но как же так, – происходящее не укладывалось у меня в голове. Даже проникнутое классово-ненавистью упоминание о дворцовых паразитах не вызвало у меня протеста. – Вы не имеете права! Я никуда не уеду, дайте мне ключ, это недоразумение.

– Ваша комната уже занята.

– А мои вещи? – Я потерял дар речи.

– Мы их сложили, – девица кивнула в сторону чемоданов.

О, лживая Британская пропаганда! Где же хваленая неприкосновенность личности, чувство собственного достоинства, права человека, в конце концов! Кто позволил этим идиотам копаться в моих вещах, доставать из шкафа мою одежду, складывать мои бумаги. А мое белье? Черт возьми! – Кровь ударила мне в голову. Происходившее настолько противоречило моим представлениям о демократии и капитализме, что я на глазах начал звереть.

– Вы, – задыхаясь начал я, – Вы заплатите за это. Вы не имеете никакого понятия о том, чего вам это будет стоить. Я пожалуюсь в Королевское общество!

– Это ваше право, – девица зевнула. – Попробуйте, найдите комнату в центре Лондона за такие деньги. Мы работали в убыток самим себе.

– Но у вас же была договоренность, – растерялся я.

– У нашей гостиницы сменился хозяин, так что все ранее заключенные контракты больше не имеют никакой силы.

– Я... Я напишу письмо в... – тут взгляд мой упал на глянцевый проспект, лежавший на журнальном столике. – В ассоциацию гостиниц Большого Лондона. Дайте мне бумагу!

– А, – девица растерялась. – Да, – она неожиданно стала со мной вежлива. – Конечно, мистер. Я сейчас позову Майкла.

–Ага, попался, который кусался!– сладострастно думал я, строча клязу на листе бумаги. – Вы не думали, что перед вами человек с Советской бюрократической закалкой... Кстати, надо признаться, что умение строчить жалобы и кляузы, в будущем пригодилось мне неоднократно, особенно в Америке.

– В чем дело, мистер? – Майкл был раздосадован.

– Это неприемлемо, – отчеканил я. – Я обращаюсь с жалобой в Королевское общество, – при этих словах Майкл нагло ухмыльнулся, – и в ассоциацию гостиниц Большого Лондона – я поджал губы и покрутил в воздухе глянцевым проспектом с адресом той самой ассоциации, в которую входило мое место обитания.

– Хмм... – Улыбка сошла с припухшего лица менеджера. – Ну зачем же так, поймите, у нас чрезвычайная ситуация. Скауты, вы сами понимаете, – он развел руками, и как раз вовремя: к крыльцу подкатил двухэтажный автобус, и из него высыпала толпа возбужденных юнцов в галстуках.

– А я здесь при чем? Я никуда не уйду, пока вы не вернете мне мою комнату. Скауты, или пилигримы, вас ждут крупные неприятности. Я буду жаловаться в ассоциацию...

– Shit! – Майкл сплюнул прямо на ковер и достал из кармана сигареты. – Как мне все осточертело, ухожу к чертовой матери с этой работы. (Я был бы счастлив процитировать дословно всю его речь по-английски, но немного стесняюсь). Я же говорил этому ... что у него будут проблемы, так нет! Ну и... с ним. Все, ноги моей здесь больше не будет! Чертова ... работа! Мистер Хабиб! – Майкл злорадно набрал какой-то номер. – У нас постоялец только что позвонил в ассоциацию гостиниц... Ну как... Я же вас предупреждал... Нет, он не желает уходить... Как так выселить скаутов? Вы хотите скандала со скаутской лигой? Они жуткие зануды, я знаю. Я вам сочувствую. Хорошо, делайте что хотите...

– Сейчас приедет наш... хозяин, мистер Хабиб, – оскалился Майкл. – Он вам поможет, подождите в прихожей. Пошло оно все к чертовой матери! Беру выходной. Развели тут... и...

Тут я окончательно расстроился, потому что Майкл упомянул в совершенно нецензурной форме братские арабские народы, одновременно не оставил без внимания евреев, прошелся по цыганам, обложил фрицев, ирландцев и почему-то поляков, выругал французов, и, уж совсем непонятно почему – смешал с грязью датчан и норвежцев. Затем, он, к счастью, вернулся к еврейскому вопросу. Логика его была изощренной: мистер Хабиб потому и оказался в Лондоне, что его выгнали из Иордании сионисты, которых не добились англичане вместе с Гитлером во время войны. Из-за этого в Большом Лондоне появилось ничем не оправданное количество поляков, и с тех пор все стало как-то совсем не так. Словом, в его голове, не направленной на путь истинный какой-либо приличной пропагандой, образовалась истинная каша. Задумавшись, я удивился тому, что Майкл совершенно не чистил в своей пространной речи русских и коммунистов, хотел уже подбросить ему эту идею, но сдержался, решив не провоцировать международных конфликтов.

Впрочем, к его чести, и несмотря на всю эту национально-политическую кашу закончил Майкл страшным проклятием в адрес невинных скаутов, заявив, что они хуже мистера Хабиба, иудеев и американцев вместе взятых, так как только что сломали перила на втором этаже. После этого проклятия, затушив сигарету, идеологически дезориентированный управляющий гостиницей навсегда исчез из моей жизни.

Мистер Хабиб оказался щеголевато одетым господином арабского вида с черными усиками.

– Мистер... Он расплылся в благодушной улыбке. – Какое несчастье, просто произошло недоразумение! Мы не поняли друг друга, правда? Зачем же жаловаться? Мы не будем жаловаться.

– Верните мне комнату, – я принял круговую оборону. – Я никуда отсюда не уйду!

– Ах, мистер, войдите в наше тяжелое положение. Мы только что вселили в ваш номер новых жильцов. Произошла трагическая ошибка, но я постараюсь ее уладить. Подождите секунду, – мистер Хабиб набрал телефон и что-то быстро заговорил по-арабски.

– Ялла! О-кей, – обрадовался он. – У меня для вас замечательное известие, – улыбнулся он. – Я нашел для вас прекрасную комнату, всего через два дома отсюда. На пару ночей.

– Я никуда больше не хочу, – уперся я.

– Ну, зачем же так, у меня для вас сюрприз! – Он сверкнул золотой коронкой. – Сейчас мы пойдем обедать в прекрасный арабский ресторан. Я угощаю. К тому же, подарок от фирмы, мы компенсируем вам неудобства, скажем, устроят вас сто фунтов стерлингов? – Мистер Хабиб достал бумажку из нагрудного кармана и, как фокусник, ловко пропустил ее между пальцами.

Проклятая жизнь советского командировочного... Сто фунтов в твердой валюте на дороге не валялись...

– Я знал, что мы договоримся, – Мистер Хабиб широко улыбнулся. – А жалоба ваша совершенно никому не нужна, ведь правда? – Он изящным движением схватил наполовину исписанный листик бумажки, щелкнул зажигалкой, и аккуратно засунул догорающий листик в цветочный горшок.

Хозяин моей гостиницы оказался фантастическим человеком. Он довольно прилично говорил по-русски и, как выяснилось, закончил Оксфордский университет и еще в Москве какую-то военно-бронетанковую академию. В Лондоне мистер Хабиб преимущественно сдавал комнаты богатым арабским шейхам, которых лечили и оперировали английские медики. Дело это, по его словам, было крайне прибыльным...

Итак, мистер Хабиб накормил меня чем-то экзотическим и густо наперченным, бумажка в сто фунтов стерлингов хрустела в моем кармане, а мальчик Дэвид нес один из моих чемоданов по улице Королевские Ворота. Второй чемодан нес я сам, удивляясь обилию скаутов.

Вся улица была забита туристическими автобусами, у перекрестка стояли две полицейские машины с мигалками, и море скаутов вливалось в мрачноватое пяти- или шестизэтажное здание красного кирпича с чьей-то гранитной непропорциональной фигурой, торчащей у входа. Бородатый этот каменный старичок до боли напомнил мне изрядно постаревшего и отрастившего бороду дедушку Ленина, но разбираться с происхождением скульптуры мне было некогда.

«Baden-Powell House» – прочел я у входа. Баден-Пауэлл, так Баден-Пауэлл, имя это мне тогда ничего не говорило. Внутри было невозможно протолкнуться, пахло подгоревшей жареной рыбой, и, одновременно, физкультурной раздевалкой из моего далекого школьного детства. Дэвид решительно рассекал скаутов моим советским чемоданом, напоминая мне атомный ледокол «Ленин» в Арктике, и вскоре мы оказались у регистрационной стойки.

– Кэвин, мы от Хабиба, – прошептал Дэвид.

– Понял, скорее за мной, и ни о чем не спрашивайте, – за стойкой стоял худощавый, плохо выбритый парень с выпуклыми глазами на узком лице, одет он был в шорты, а длинная шея с выпирающим из нее кадыком была обвязана серым галстуком. Парень

нахлобучил на голову серую скаутскую пилотку и сразу же приобрел совершенно бандитский, заговорщический вид.

Кэвин провел нас на какую-то пожарную винтовую лестницу. Взбираться по ней было тяжело, и, когда мы уперлись в обитую железом дверь, я с трудом перевел дыхание.

– Стойте! – Кэвин приложил палец к губам. – Сейчас, я посмотрю, нет ли этих идиотов из отряда безопасности. – Он осторожно приоткрыл дверь и выглянул в коридор. – Уфф, – он судорожно замахал рукой, – скорее, скорее!

Не понимая, что происходит, я побежал за ним по коридору, задевая ногой за чемодан, и оказался в маленьком пенале, напоминающим камеру предварительного заключения.

– Вот ваш ключ, и еще: будьте осторожны. – Кэвин подмигнул мне.

– Спасибо, – я совершенно утратил чувство реальности, и сунул Кэвину и Дэвиду каждому по пять фунтов, которыми они остались крайне довольны.

Комнатка моя оставляла желать лучшего. Двухуровневая деревянная койка у стены, рассчитанная на недоростков лет двенадцати, грязно-серое одеяло с комками слежавшейся шерсти, и колючая, набитая чем-то похожим на солому подушка. Около кровати стояла тумбочка, на которой лежали две книги: библия и иллюстрированная биография лорда Баден-Пауэлла, основателя скаутского движения.

Книжку эту я из любопытства раскрыл, и тут же захлопнул. Дело в том, что на первой странице я прочел английский перевод любимого мной стихотворения «Когда был Ленин маленький, курчавый, молодой».

«When Lord Baden-Powell was a little curly kid...»

Надеюсь, вы меня поймете. Продолжать чтение было выше моих истощенных душевных сил. К тому же, и обстоятельство это расстроило меня больше всего, в номере не было ни туалета, ни душа. В недоумении я выглянул в пустой коридор, и прижимаясь к стенке, занялся поисками жизненно необходимого места. Туалет вскоре был обнаружен, он был точной копией нашего школьного туалета из моего детства, разве что на стене надписи были на английском языке, и унитазы были почище.

Душа я так и не обнаружил. Вместо негов самом конце коридора располагалась одна-единственная ванная с британской пробкой, в которой по очереди плескалось подрастающее поколение. Надо ли говорить, что стенки этой ванной были покрыты юношеским склизким мутно-бежевым мыльным налетом, заставившим меня брезгливо содрогнуться.

Ну, хорошо. Тем не менее, мне уже здорово хотелось есть. К тому же, хорошо было бы прогуляться по вечернему Лондону, свернуть на боковую улочку, спуститься в подземный переход, и добраться до Пикадилли. Пройти его насквозь, заглянуть в китайский квартал, свернуть на Оксфорд-Стрит...

– Внимание, скауты Великобритании! Внимание!

От неожиданного, хриплого звука громкоговорителя, я вздрогнул и заметался по своей комнатке.

– Вам выпала великая честь собраться в доме основателя нашего всемирного движения, лорда Баден-Пауэлла! Тысячи ваших сверстников во всех странах мира, в бывших Британских колониях, в Индии, Палестине, Австралии и Новой Зеландии, на героических Фолклендских островах, могут только мечтать оказаться в этом месте, святом для всех скаутов...

– Маму вашу, куда я попал, – я судорожно начал искать спрятанную радиоточку. Надо признаться, что эта реакция была у меня профессиональной, много лет назад я проходил студенческую практику на Московском узле сетевого радиовещания.

Куда там... Громкоговоритель был надежно спрятан где-то за обшивкой вентиляционного отверстия, и я решил смяться из своего временного места обитания.

В коридоре было пусто, так что все шло хорошо, за исключением того, что дверь, ведущая на пожарную лестницу, была заперта. Чертыхнувшись, я нажал на кнопку вызова лифта, и, убедившись в том, что оказался единственным пассажиром в тускло освещенной кабинке, уже начал было успокаиваться, как...

Ну конечно же, мне нужно было в «Лобби», к заветной двери, ведущей на улицу «Королевские Ворота». До чего же медлительным был этот лифт... Миновать пять этажей мне не удалось, на втором из них (О, судьба-злодейка!) двери открылись, и в кабинке возник дьяволенок в полной скаутской экипировке.

– Хэлло, мистер, – приветствовал он меня до боли знакомым пионерским салютом. – Вам в актовЫй зал?

– Добрый вечер, – в недоумении развел я руками. – Нет, мне на выход.

– Интересненько, – на прыщавом лбу отрока отразилось подобие мысли. – Очень даже интересненько... – А почему вы не идете на нашу традиционную вечернюю молитву? А я вас и на утренней молитве не видел!

– Простите, – Мне стало не по себе.

– И еще, почему вы не в форме? В нашем доме! Как вы смеете! Неужели у вас нет ни капли уважения к памяти лорда Баден-Пауэлла?

– Молодой человек, – заметил я. – Вы меня с кем-то спутали. Я никогда не был скаутом, и попал сюда случайно. К тому же, я не верю в бога, мне просто хочется погулять по вечернему Лондону...

– Вы – иностранец! Я сразу понял, – на лице моего спутника появилась хищная гримаса. – Вы – иностранный шпион! Какие секреты нашего движения вы разносите?

– Да, – устало согласился я. – Я – иностранец. Более того, я приехал из России. И в этот вечерний час мне хочется есть, и еще, я не имею ни малейшего понятия о вашем движении, и ...

– Из... Из... Росс... – Глаза моего случайного попутчика остекленели от ужаса, он попытался что-то сказать, но инстинктивно вжался в угол, приняв оборонительную позу. Тут двери наконец открылись, и я, не в силах побороть искушения, отдал прыщавому патриоту скаутско-пионерский салют, и, злорадно хохоча, выбежал на улицу.

Хорош был вечерний Лондон. Светились витрины магазинов на знаменитой Оксфорд-Стрит, доносились экзотические запахи пряностей из Китайского квартала... Я еще не знал, что этот вечер станет последним вечером моей иллюзорной свободы в столице Великобритании.

Я возвращался в гостиницу около полуночи, и заподозрил неладное за пару переулков до дома имени лорда Баден-Пауэлла. В этот ночной час улицы были уже почти пустыми, только из частных клубов вываливались разогретые джентльмены с красными лицами и подпитые представители «золотой молодежи». У соседнего дома располагался маленький иранский магазинчик, и на прилавке, освещенные яркой лампочкой, были горой навалены фрукты-овощи. Тут что-то ностальгическое неожиданно впечаталось в сознание, и вызвало череду ассоциаций. Мне лет одиннадцать, скоро Новый Год, холодно, ночь, метель, остановка троллейбуса, сетки с апельсинами, смолистый запах, и черные, ромбообразные этикетки «Яффа».

Я подошел к прилавку поближе. «Яффа» – гласила знакомая мне до боли черная этикетка. «Product of Israel» – гласила желтая бумажка, приклеенная чуть пониже. Оказывается, я сам того не зная, вырос на израильских апельсинах.

Хозяин магазина, дремлющий на стуле около прилавка, приоткрыл один глаз, оценивая шансы на то, купит ли этот полуночный посетитель апельсин, и тут на улице послышался топот, а потом затрещали ветки кустов.

Я выронил апельсин и вздрогнул. Все-таки, время было позднее, а паспорт, авиационный билет и деньги я носил в нагрудном кармане.

На улице стало тихо, я пожал плечами и быстрым шагом пошел в сторону гостиницы. И снова затрещали ветки за спиной...

Тут мне стало жутко, и, каюсь, я побежал, разбрызгивая редкие лужицы на мостовой своими длинноносими ботинками, купленными в универмаге «Москва». И только, когда из красной телефонной будки на меня уставились три пары глаз, заканчивающихся с одной стороны пилоткой, с другой - галстук, и замигал фонарик, а с третьего этажа дома Бадена и Пауэлла вместе взятых, встрепенулся ему в ответ лучик света, мне стало смешно, и я начал бесстыдно ржать, чем привел юных разведчиков в полное недоумение.

До номера я добрался под конвоем пяти юных скаутов, запер дверь на цепочку, и, смеясь и одновременно чертыхаясь, кое-как устроился на скаутском ложе, решив завтра же устроить скандал усатому мистеру Хабибу, и даже вернуть ему сто фунтов...

Как же я был наивен. Мистер Хабиб, как выяснилось, покинул Лондон на несколько дней. К тому же, Дэвид, говорящий на Кокни, накрашенная девица и наглый менеджер Майкл куда-то испарились. В гостинице теперь заправляли делами мрачного вида женщины весьма пожилого возраста, объяснить с которыми было просто-таки невозможно. И я оказался один на один с озверевшими от полового созревания подозрительными британскими пионерами.

Для слежки за мной были мобилизованы наиболее сознательные представители скаутского движения. Толстые и худощавые, высокие и низенькие, они следовали за мной по улицам, вскакивали в вагоны подземки, заглядывали в мою тарелку. Двое из них даже торчали около дверей аудитории Имперского Колледжа, в которой проходил научный семинар, тщательно симулируя любознательность, присущую молодому поколению. Надо признаться, что они чуть ли не до слез растрогали молодцеватого профессора с окладистой седой бородой, который воспринял моих конвоиров как признак духовного оздоровления Англии и растущей популярности его научных свершений (он в то время и вправду был знаменит). Разубеждать его я не стал, как-то неудобно было...

Все это начало выводить меня из себя. Я не мог спокойно вернуться в гостиницу, даже сходить в туалет. Я не принимал ванной и не чистил зубы. Я стал желчен и мизантропичен. Я избегал завтраков в скаутской столовой, забитой патриотическими юнцами, а завтрак мне приходилось съедать кекс в маленьком продовольственном магазинчике на соседней улице, запивая его молоком и наблюдая, как по улице нетерпеливо прогуливаются два толстеньких розовощеких мальчика в шортах, бросая на меня подозрительные и весьма недружелюбные взгляды.

Так прошли четыре дня, и я не выдержал, решив все-таки пожаловаться в Королевское общество. За мной там присматривал усатый джентльмен по имени Скотт, который наверняка по совместительству был агентом Британской разведки. Впрочем, Скотт, должно быть, был уверен, что меня завербовало КГБ.

– Ну что же вы нам раньше не сказали, – разливался соловьем Скотт. – Мы только что получили дополнительные средства, не хотите ли вернуться в гостиницу «Кобург»?

– Хочу, ужасно хочу, – чуть не заплакал я, вспомнив джентельменов с сигарами и дам в длинных вечерних платьях, а также ресторан, в котором жильцам подавали английский завтрак, почему-то называемый континентальным: блестящие сковородки с шипящими сосисками, апельсиновый сок, яичницу и кофе...

– Извините еще раз, – сухо кашлянул Скотт. – Мы же думали, что вам будет ближе добираться до работы...

Жизнь, как мне показалось, налаживалась. Тем более, что вечером я удрал от своих преследователей, оторвавшись от них на пересадке в метро. По этому поводу я, беззаботно посвистывая, выпил пива в баре недалеко от Лондонского Университета с симпатичным аспирантом Джорджем, потом прогулялся с ним до вокзала Виктория, там располагалась его квартира. В квартире этой я познакомился с его худенькой большеглазой женой, выпил у них в гостях еще немного виски, затем добрал до метро, вылез на станции «Кенсингтон». К своему удивлению, дойдя до иранско-афганского магазина «Калашников», на витрине которого висели хорошо знакомые мне автоматы, я не обнаружил ни одного разведчика-пионера. Затем я прошел мимо паба с леденящей душу надписью «Последняя Таверна перед Альберт-Холлом», свернул направо...

Вот как они мелькнули эти патриоты, стайкой у перекрестка. Ха-ха, сегодня меня здесь не будет! Взвейтесь кострами, синие ночи!

Будучи слегка пьян, и не в силах удержаться от дьявольского искушения, я скорчил страшную рожу полненькому, покрытому веснушками мальчугану, который сопровождал меня в лифте, с удовлетворением заметив, что на лбу его выступили капли пота...

О, святые правозащитники! Что сделали эти чертовы бдительные прародители пионеров с моими вещами? С копиями статей, любовно собранными в библиотеке Императорского Колледжа? С синтетическими рубашками фабрики «Большевичка», с моим парадным болгарским пиджаком в мелкую клеточку...

Все мое имущество было разворочено, частично изрезано ножницами, и густо полито чернилами.

И тут нервы мои сдали. Меня уже не волновало, что скажет советское посольство, что напишет реакционная английская пресса, я был полон жажды отмщения. Открыв дверь, и увидев шпиона, невзначай слоняющегося в коридоре, я издал победный рык, и, скрючив пальцы в предвкушении добычи, бросился в его сторону, сам удивляясь собственной прыткости.

– Мама, – Зарыдал скаут, когда я поймал его за галстук. – Мистер-коммунист, пожалуйста, не убивайте меня. Я больше не буду. К тому же, мой папа - потомственный рабочий-сталевар.

– А кто безобразничал в моей комнате!

– Это не я, это наш командир, Питер ... Не бейте меня, дяденька...

– Где он? – Прорычал я, оскаливаясь.

– Я не знаю, – заплакал мальчик. – Я больше никогда не буду, мистер-коммунист. Честное скаутское!

– Сдался ты мне, – прошипел я. – Я плохо переносил детский плач, жажда немедленной и безусловно кровавой мести начала отступать, и я благоразумно решил написать жалобу администрации.

Что я и сделал. Администратор гостиницы долго говорил по телефону с командиром скаутского отряда, тот звонил в какой-то штаб, и, естественно, выяснил, что я пребываю в гостинице не вполне законно. Впрочем, нашлась какая-то квитанция о моем вселении в дом Баден-Пауэлла, и меня клятвенно обещали уведомить заказным письмом о принятых в среде скаутов дисциплинарных мерах... И даже возместить убытки.

Скаутское движение осталось моим вечным должником. Убытков мне не возместили, даже не прислали письма о принятых мерах, как-то порке розгами чересчур активизировавшихся школьников. Вообще-то, я отхожу довольно быстро, и, решив не осложнять и без того непростые отношения между Москвой и Лондоном, я успокоился. Тем

более, что в новом месте обитания я был окружен вполне приличными людьми. С глубокомысленным видом шурша страницами «Таймс», они кушали с утра сдобные булочки и хлопья с молоком, запивая их кофе и апельсиновым соком. Они придерживались позиции невмешательства в дела ближнего своего и держались как истинные джентльмены. Страшно было подумать, что некоторые из них в детстве могли быть скаутами...

С тех пор, увидев на улице мальчика в форме, я тоскую по исчезнувшим с лица земли советским пионерам. У них в массе своей была нормальная психика. Они подозрительно относились ко всяческим партийным аксессуарам типа значков, галстуков, и даже знамен районной и школьной пионерской организации, с удовольствием обменивая их на импортную жевательную резинку, порнографические открытки и заезженные пластинки западных рок-групп. Они недолюбливали общественные организации, обладали развитым юношеским цинизмом, нигилизмом, нормальной сексуальной ориентацией, и, как мне кажется, составляли наиболее здоровое ядро моего поколения.

Многие из бывших советских пионеров после распада социализма занялись бизнесом в России, да храни их Господь, ибо эта категория нынче занесена в Красную Книгу. Они почти полностью отстреляны конкурентами с помощью пистолетов, ружей, обрезов и автоматов Калашникова. Хочется думать, что конкуренты эти, безжалостно нажимающие на спусковые крючки, никогда не носили красных галстуков. Скорее всего, они выросли уже в то время, когда пионеры были упразднены.

Но все не так плохо. Дело в том, что значительная часть моих бывших соратников по пионерской организации выжила в наши бурные времена, и ныне обитает за границей. Так, не далее, как на прошлой неделе, я встретил в Сан-Франциско Игоря Костикова, бывшего председателя нашего Совета Дружины, которого не видел почти что четверть века.

Вид у него был свежий, оптимистичный, а в коляске, которую Игорь толкал перед собой, сидели три розовощеких белобрысых мальчика... Почему-то я тогда был уверен, что эти мальчики никогда в жизни не будут носить пилотки, галстуки и шорты.

И решил я, что близится эра светлых годов... Кто мог знать, что судьба снова сведет меня со скаутами... Но об этом следует рассказать отдельно.

История вторая. Стратегия и тактика классовой борьбы со скаутами в условиях Северной Калифорнии.

С возрастом, хотя, по американским понятиям, мои тридцать пять лет были самым начальным периодом зрелости, я стал раздражителен и нетерпим к окружающему меня человеческому общежитию. Первые признаки воинствующего индивидуализма проявились в самом конце холодной войны, когда прекратил свое существование великий и могучий Советский Союз, была упразднена пионерская организация, и одновременно в Академии Наук перестали платить зарплату. Затем, сменив несколько стран обитания и профессий, я оказался в Калифорнии, и с тех пор мизантропические настроения неуклонно усиливались и укреплялись в моей усталой душе.

Дело в том, что у меня с детства была дурацкая мечта: собственная комната, пусть в пять квадратных метров, но своя, чтобы можно было закрыть в ней дверь и остаться наедине с листами бумаги, или, в соответствии со временем, с экраном компьютера. И чтобы в комнате этой было тихо. Мечта все никак не хотела сбываться, в основном из-за отсутствия денег. То приходилось мне жить с тещей, то с соседями, так как денег на съем отдельной квартиры не хватало, то топали слонопотамы над головой, то появлялся во дворе индо-пакистанский детский сад на прогулке, оглашая пространство истерическими криками... Азиатского происхождения соседи мои, например, вели ярко выраженный ночной образ жизни. Днем их не было ни видно ни слышно, зато ночью в квартире за стенкой гремела национальная кмиайская музыка, к соседям заваливались шумные компании, приезжали рычащие грузовики, что-то погружали и разгружали. А самое неприятное, что застенные сожители эти выкидывали на свой балкончик разложившиеся овощные очистки, и вывешивали гнить на солнце куриные тушки, подобно тому, как рыболовы-любители в России вялили на веревочках пойманную рыбку.

Во многом благодаря протухшим куриным тушкам, нервы мои дошли в этой чертовой Калифорнии до предела, и пришлось мне линять из квартирного комплекса, и снимать двухкомнатный домик с небольшим, но уютным садиком за совершенно сумасшедшие деньги.

Снял я домик в конце января, когда голубые Калифорнийские небеса вдруг набрякли легким дождиком, вызвавшим панику у местных жителей. Никогда не думал, что обычный морозящий дождик способен вызвать сбои в подаче электроэнергии десяти миллионам жителей, массовые оползни и федеральную помощь потерпевшим бедствие аборигенам.

Ну, да ладно. До поры- до времени все было хорошо, а главное - тихо. Рано утром, часов в пять утра, я напивался кофе, и писал переполненную формулами книжку, которую требовало с меня уважаемое издательство. Вечерами, приходя с работы, я подкреплялся стимулирующими душу напитками, опять-таки запивая их крепким кофе, и заканчивал давно задуманный мной роман.

И все было спокойно, пока не наступила весна. А в особенности, месяц апрель, когда расцветает земля.

Если в уездном городке Симбирске в апреле набухали почки, и окончательно сходил снег, то у нас в Калифорнии, в этом роковом месяце становилось совсем тепло, и происходили всяческие знаменательные события, как-то: выплод гремучих змей и весенний бег тарантулов по асфальтированным и покрытым гравием дорогам. В этот месяц школьники

и студенты одевали шортики и короткие юбочки, шалея от запаха роз. По статистике, на апрель месяц приходилось также рекордное количество подростковых беременностей...

Как на грех, в середине апреля я получил из издательства гранки только что подготовленной ко всеамериканскому изданию книги, и я понял, что я на самом деле тихо схожу с ума.

Даже в России в старые добрые времена редакторы не позволяли себе того, что сделало со мной весьма уважаемое американское издательство, название которого я благоговейно читал со времен своей тревожной молодости... Тем более, что в наш электронный век я предоставил этому уважаемому издательству весь текст, не говоря уже об иллюстрациях, в неповторимо-электронном виде.

Каждая строчка, каждое слово, каждая формула были неузнаваемо искажены чьей-то дьявольской рукой. Придя в ярость, я звонил в Бостон, издателю, нарвался на его секретаршу, и выяснил, что текст, написанный моей слабеющей рукой, был в целях экономии американских долларов отослан куда-то на Филиппины. Телефон на Тихоокеанских островах не отвечал...

Осознав, что плод моих стараний окончательно изгажен, я почувствовал себя уставшим, и взял пять дней отпуска. Кстати, для тех, кто не в курсе: в благословенной стране Америке отпуск составляет десять рабочих дней в году.

Отпуск... О, блаженство. Я проснулся в девять утра, заварил себе кофе, сел за компьютер, и, только начал править текст, как...

– Дин-дон... – Ласково предупредил меня входной звонок.

– Кого еще черт несет, – выругался я, приоткрывая входную дверь.

– Купите скаутское печенье, – за порогом стояли три пионера уже забытого мной скаутского образца со связкой подозрительного вида коробочек, обвернутых липкой лентой. Почему-то все пионеры были азиатского происхождения.

– Хмм... – Я проявил секундное замешательство. Не то, чтобы я испытывал предубеждение к выходцам из Азии... Даже наоборот. Каюсь, грешен. Вот уже полгода я встречался с симпатичной девушкой, рожденной в Японии. Нет, тут дело было в другом.

Когда-то, лет двенадцать назад, в сердце Лондона я волею судеб провел несколько ночей в доме лорда Баден-Пауэлла, основателя скаутского движения. С тех пор я испытываю легкую, перерастающую в умеренную, неприязнь к скаутам, а иногда даже тоскую по исчезнувшим с лица земли советским пионерам. Не говоря уже о том, что периодически я задумываюсь о возможной связи между Баден-Баденом, Тургеневым и одноименным британским лордом.

Итак, я был дезориентирован: испытывать ли к этой разновидности скаутов такую же неприязнь, как к их Британским сотоварищам, или ...

– Всего пять долларов девяносто девять центов! – Младшенький скаут совершил марш оловянного солдатика по крыльцу дома. – И печенье – Будет – Ваше. – Да – здрав-ству-ют – ска-у-ты!

Отдавать деньги мне решительно не хотелось. Дело в том, что стоило мне вселиться в этот дом, как всяческие общественные и религиозные организации начали буквально разрывать меня на части. Кому только я не платил, не в силах отбиться от навязчивых агентов: голодающим детям, церкви адвентистов седьмого дня, лесбиянкам, и даже добровольной пожарной дружине. Теперь еще и скауты до меня добрались... Ну уж нет, ребята дорогие, этот фокус со мной не пройдет!

– Извините, – я принял защитную позу, – Я не люблю печенье. Я вообще не ем сладкого.

– Как вам не стыдно! Как вы смеете! – Это перешла в наступление мамаша-родительница, до сих пор скрывавшаяся в тени моего гаража. – Какой пример вы подаете молодежи... И такие люди вселяются в наш район! Позор!

– Позор, – взвизгнул толстенький китаенок с очках с выпуклыми линзами и захлопал глазками.

– Вы в чем-то правы, – невольно согласился я. Здесь я был необъективен. Вспомнил я в тот момент Володю Чумакова, с которым учился в школе. Убейте меня, но он был вылитый этот американский китаенок. Толстенький, монголоидный и в очках, над ним в школе издевались, словом, проникся я вдруг к этому очкарику сочувствием. – Шесть долларов. Сдачи не надо. Спасибо. Боже, храни Америку. – И захлопнул дверь.

Работа не клеилась, трудовой энтузиазм куда-то пропал, а вместе с ним испортилось настроение. К тому же, кофе за время моих объяснений со скаутами остыл и стал невкусным. Я рассеянно перевернул несколько страничек, закурил сигарету, и начал раздражаться.

– Черт бы их побрал, – я раздосадовано потер лоб. Самое противное в работе, требующей сосредоточения – отрываться. Бывает, только включился, проник в спрятанную от смертных суть, летит страничка за страничкой, приоткрывается небесный астрал, а тут появляются вот такие... Позвонят в дверь...

И пришлось мне идти на кухню, кипятить чайник, заваривать свежий кофе и нервно курить. Наконец, творческий процесс снова запустился. Впрочем, продолжалось мое счастливое состояние весьма недолго – каких-нибудь полчаса. Мой хрупкий, но постепенно становящийся гармоничным внутренним мир, был безжалостно разрушен возбужденными детскими криками, которые проникали в комнату через окно. Я прислушался, что еще мне оставалось делать?

– Левее. Еще левее! Натягивай веревку – в голосе руководителя прорывались басовые нотки.

– Да не могу я, – чуть не плача отвечал ему тоненький, совсем детский голосок.

– У скаутов не бывает такого, чтобы они чего-нибудь не смогли! Тяни сильнее, вместе с друзьями.

– Тяну, не получается...

– Значит, ты недостойн быть младшим скаутом.

– Я достоин! – детский голосок начал всхлипывать.

– Это что еще за сопли в наших рядах? А ну-ка, взялись! Старайся всегда, пытайся везде, до последнего дня. Тяни, и никаких проблем...

– Вот лозунг мой и солнца, – с ужасом произнес я, задумавшись о проблемах художественной детской литературы на русском и английском языках.

– Ура!!! Получилось!

– Я же тебе говорил, – в голосе старшего, и начинающего басыть, слышалась какая-то фальшивая бравада, и одновременно неуверенность в собственных словах. – У скаутов всегда все получается. Поправь сейчас же галстук. Тоже мне, младший брат. Мы должны быть примером. Сейчас отряд придет, будем палатки ставить.

– А можно мне спать с тобой, в одной палатке?

– Нельзя. Младшие спят со младшими. Таков закон скаутов.

– Ну, пожалуйста... Я очень хочу. Я... Я ...

- Будешь спать с Джеком и с Шаном.
- Ну я тебя умоляю ... Ну что тебе стоит!
- Молчать! Младший кандидат в члены скаутской организации, равняйся, смирно!

Я с легким испугом выглянул в окно. За соседским забором, высотой мне с грудь, в землю был вбит бамбуковый кол, напомнивший мне осиновый. Кол был расперт бельевыми веревками, вершина его логически завершалась звездно-полосатым американским флагом. Около древка стоял долговязый парень совершенно китайской внешности в скаутской форме, а рядом с ним вытянулся по стойке смирно тот самый трогательный очкарик, из-за которого я купил ненавистное скаутское печенье.

- Ну да, ну конечно, флаги будем поднимать, - мрачно пробурчал я, еще не подозревая, какие испытания готовит мне судьба. - Хорошо, давайте я вам выпел победителя социалистического соревнования на антенне подвешу...

Вымпел этот, запавший мне в душу, я на прошлой неделе обнаружил в магазине антиквариата под названием «Бомбейская Кампания». «Победителю социалистического соревнования цеха номер пять плодоовощной базы двенадцать Краснопресненского района города Москвы товарищу Воробьеву от первого секретаря городской партийной организации тов. Гришина».

Нет, работать в первый, один из пяти, драгоценный день отпуска, мне, по-видимому, не было суждено.

- Правее. Вместе, вместе тяните. Забывай, забывай...

День, скорее всего, был потерян бесповоротно и окончательно. На соседнем участке, за забором, на моих глазах разбивался палаточный лагерь. Человек десять в рубашечках со столь печально знакомыми мне галстуками и пилотками, таскали металлические трубки, молотки, и, стена к стене, возводили все новые палатки.

- Четыре, пять, - Черт побери! Я насчитал пять палаток, и почувствовал предательскую головную боль.

Отряд, строиться! - неожиданно рявкнул долговязый парень. - Смирнаа! Приготовиться к подъему флага!

- Па-ра-ра-ра - ра-ра! - пропел горн. Впрочем, флаг застрял, недоехав до вершины, видимо, зацепился за сучок.

- Скауты... - Долговязый откашлялся. - К библии! Сегодня мы читаем отрывки из книги Гenezиса, страница пятьдесят три.

- И испепелю тебя и города народа твоего небесным огнем!
- Скаут Джаоронг!
- Я! - Толстенький мальчик в очках вытянулся по стойке «смирно».

- О каком народе идет речь?

- О ревизионистах и предателях с севера, погрязших в грехах и коррупции. О тех, кто примазался к коммунистическому движению, но, на поверку, оказался лживым шакалом.

- Правильно, скаут Джаоронг! Что говорил о них великий председатель Мао?

И тут очкарик разразился длинной цитатой на китайском языке.

- Скауты! Равнение на знамя! - Рявкнул старший брат.

- Ра-ра-ра, ра-ра, ра-ра! - Раздалась громкая речевка, я уже не разобрал, по-английски или по-китайски. Чем угодно клянусь, она мне напомнила как две капли воды стихотворение «Кто шагает дружно в ряд, пионерский наш отряд».

Но когда два долговязых подростка в шортиках и галстуках с важным видом пронесли мимо стоящих под звездно-полосатым флагом и отдающих пионерский салют детей красно-звездчатый китайский флаг, я потерял чувство реальности.

- Идиоты, – я тихо застонал.
- Ра-ра-ра-ра, ра-ра – ревело за забором.
- Эй, – в отчаянии взревел я. – Скауты! Побойтесь Бога и председателя Мао!
- Ра-ра-ра-ра, ра-ра, – речевка вяло скисла.
- Мама! – Замычал старший скаут. – Сосед нам мешает.
- Эй, мистер, – в поле моего зрения появилась пожилая женщина. – В чем дело?

«Хунвейбинка» – мгновенно понял я.– Извините, – я попытался быть вежливым настолько, насколько мог. – Вы бы не могли заниматься всем этим немного потише...

- Почему это? – Хозяйка перешла в наступление. – Вам должно бы быть стыдно! И вообще, как вы смеете мешать нашим детям? – Слово «нашим» было нарочито подчеркнуто. – Кстати, мистер, это – наша частная собственность. Если вы посмеете еще раз нас побеспокоить, мы вызовем полицию.

- Извините, я собственно, – мне стало неловко и противно одновременно. – Нельзя ли... Ну хоть немного потише.

- Нельзя! – Хунвейбинка развернулась ко мне спиной и оскорбленно вошла в дом.

- О, Господи, – взревел я. – Нет мне спасения. Почему я попал в эту сумасшедшую страну непуганных идиотов? Почему эти плоды культурной революции живут в собственном доме, разводя всякую социально-незрелую ересь? За что караешь ты меня?

- За грехи, – ласково пропел внутренний голос, и я понял, что вдохновение ко мне сегодня уже не вернется. По этому поводу я решил окончательно погрязнуть в грехах, и поехал к любимой девушке, у которой задержался до полвторого утра. Вернулся я домой пахнувший коньяком, в мятой рубашке и совершенно вдохновленный, сел за письменный стол, и, поглядев на рукопись, почему-то оказался в длинном школьном коридоре из моего детства.

Снилось мне детство, причудливым образом смешанное с отрочеством и юностью. Меня исключали из состава пионерской организации за употребление коньяка и курение в школьном туалете. Нет, курить я курил, признаюсь, но вот коньяка в те годы не употреблял, разве что портвейн «Три семерки». Вот уже выстроились в ряд пионеры, презрительно смотрит на меня директриса, она поджала губы и сейчас...

- Погодите, – смеюсь я. – Я уже взрослый. Более того, я живу в Америке и вы меня исключать не имеете никакого права. С курением, правда, у них и здесь проблемы, но, честное слово, я курю только у себя в садике и в автомобиле. Я понимаю, что отравляю окружающую среду, но...

- Ха-ха-ха, – смеются пионеры.

- Честное слово, я здесь уже несколько лет. Не верите – посмотрите, за углом моя машина стоит, вот ключи. Разве в наши времена у советских граждан были такие машины? – Аргумент этот представляется мне убийственно-убедительным, и я радостно усмехаюсь.

- Ты, – директриса задыхается от негодования. – Ты продался империалистам. За тряпки, за Кока-Колу! За автомобиль! За пачку сигарет «Кэмел»! Позор!

- Да не курю я «Кэмел». И причем здесь Кока-кола? И вообще, вас давно нет! – протестую я. – Вы выросли. Многие даже погибли, кто в Афганистане, кто в более поздние времена. Генка Захаров, например, его в Афгане убьют. И Сережку Гаранова тоже. А Мишу Шестова конкуренты положат в девяносто третьем. Человек пять из вас в Америке будут

жить. Даже председатель совета отряда Игорь Костиков будет жить в Америке, я его там видел, в супермаркете! Честное пионерское!

– Игорь, это правда? – Директриса сурово смотрит на него. – Как ты мог так поступить? Где твоя пионерская совесть?

– Я больше не буду, Татьяна Семеновна, клянусь! – всхлипывает Игорь и подносит к губам золотой горн.

– Па-рарара! Ра-Ра! – Трубит он. – Па-рарара! Ра-Ра! Подъем!

Я недоволюсь поехал и обнаружил, что заснул за письменным столом. Правая рука затекла и меня совершенно не слушалась. К тому же, болела голова и пересохло в горле.

– Па-рарара! Ра-Ра! – Услышал я, только на этот раз наяву. Звук горна, как мне тогда показалось, способен был разбудить мертвеца.

– Господи, который же час, – я побрел к кровати. – Шесть пятнадцать утра ...

На улице светало.

– Надо меньше пить. Фу, как неловко, – я вспомнил вчерашний вечер и бесконечные банальные глупости, которые я нес подшафе. Впрочем, моей девушке, кажется, это нравилось, по крайней мере у меня до сих пор в ушах стоял ее неповторимо-женский смех.

– Па-рарара! Скауты, к утренней линейке будьте готовы!

– Всегда готовы – рявкнул хор детских голосов.

– Равняйсь... Смирно.

– Господа Бога душу мать... – Я завернулся с головой в одеяло, пытаюсь избежать звуков американского гимна. Звуки эти, усиленные мощными колонками, сотрясали хлипкие стены моего домика и проникали в мой мозг сквозь фундамент и матрасные пружины.

– А это что такое? – Мелодия сменилась, и вспомнились мне поле в липкой, размокшей глине, гнилые картофельные клубни, усталые студенты и издевательская песня:

*«Солнце восходит над речкой Хуань-Хэ,
Китайцы на поле идут.
Горсточка риса у них в руке,
И песню задорно поют:
– Унь-нянь, унь-нянь-нянь...»*

Я мог поклясться, что забытая песня эта пелась на мотив китайского национального гимна. Прослушав куплетов шесть, я начал одуревать от однообразной мелодии. Все мечталось мне, что очередной куплет будет последним, но тягучее пение начиналось снова и снова.

– Ах вот вы как! – Взревел я. – В голове моей опилки, тра-та-та. Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро. – Нет, у меня было неожиданно жестокое похмелье, иначе почему бы я так умилялся скрытой мудрости этого стихотворения. – Получайте наш ответ лорду Керзону! Где мой удлинитель? – Я вытащил в садик электронное пианино фирмы «Ямаха».

– Союз Нерушимый. Республик Свободных. Сплотила Навеки...

«Ямаха» давала прикурить. Мощности было в самый раз, и кому какое дело, что моя затекшая рука то и дело брала фальшивые ноты ...

– Славься, Отечество...

– Унь-нянь-нянь!

– Наше Свободное! – Я выжал громкость до предела.

– Мама! – Взревел китайский скаут. – Нам опять сосед мешает.

– Я вызываю полицию, этой наглости необходимо положить конец! – раздался визгливый женский голос, и я поспешно ретировался.

Каюсь, я тогда испугался. Даже как-то стыдно стало. Минут сорок я бродил по дому, ожидая звонка в дверь. Потом стало понятно, что полицию никто не вызвал, или она просто не приехала. По этому поводу, и будучи в расстроенных чувствах, я пошел на кухню, достал из холодильника водку, в очередной раз подумал, что добром все это не кончится, выпил пару рюмок и ушел спать.

Как же хорошо... Давно так не было. В городе уже начинают гнить кленовые листья. Вечерами, под тусклым светом фонарей, когда кажется, что еще немного, и вдруг откроется перед нами какая-то сокровенная тайна мироздания...

– Ра- рара, ра-ра, ра-ра! – Прорвалось ко мне из-за окна, прервав сон.

– Пионерский наш отряд! – Взбесился я.

– Ра- рара, ра-ра, ра-ра! Скаут Джааронг!левой!левой!

– Все, не могу больше! – И я понял, что хочу я этого, или нет, но мне придется прервать отпуск и выйти на работу.

Не получилось у меня отпуска. Вот они, тускло освещенные клетушки-кубики в огромном зале с люминесцентными светильниками под потолком. Вот и люди-муравьи, копошащиеся в проходах. А вот и мой луч света в темном царстве, сидящий в соседнем кубике Патрик. Он - Ирландец, и мой друг, и этим все сказано.

– Хмм... Что-нибудь случилось? – Иронично приветствовал меня Патрик. – Да на тебе лица нет... Нет, не говори, я угадаю... Тяжелое Похмелье?

– Если бы... Слушай, – взмолился я, периодически хватаясь за голову. – Расскажи мне, как одолеть злых духов.

– Ну, способов вообще-то более чем достаточно. Каббалистические знаки, говорят, помогают. Конкретная методика зависит от разновидности чертиков. У тебя они какие?

– Маленькие дьяволята в зеленых галстуках. Они будят меня звуками медных труб, как архангелы, затем проигрывают гимны всех стран и народов, маршируют и отдают честь под американским флагом.

– Я тебе завидую! – Патрик ударил себя ладонью по лбу и решительно оттолкнулся ногами от стола, в результате чего его кресло на колесиках откатилось к самому входу в «кубик». – Свихнуться с таким военно-патриотически-имперским уклоном... Да тебе позавидует любой британский вояка... Ну почему, почему у меня никогда так не получается?

– Все гораздо проще, Патрик. Это - Скауты! Они поселились за забором, трубят в горны. Они разбили палатки...

– Фуу... Ради всего святого, возвращайся домой. – Патрик оттолкнулся ногами и мягко затормозил креслом около своего стола. – Это же классика! Я-то думал...

– Что значит классика? – Я начал раздражаться. – Я ночами не сплю. Я свихнусь скоро. Я отпуск прервал.

– Тебе нужны буханка хлеба и водка. – процедил Патрик. – Проверенный способ.

– Чего ты несешь! Боже всемогущий! Кто из нас сошел с ума?

– Послушай, – Патрик совершил пируэт на своем кресле. Как мне показалось, он на меня слегка обиделся. – Я, по крайней мере, трезв, а также не пришел на работу небритым,

в мятой рубашке с какими-то желтоватыми пятнами на животе. О происхождении этих пятен я, так и быть, допрашивать тебя не собираюсь. Пусть они останутся на твоей совести. Эти пятна греха, происходят ли они от греха первородного, либо греха чревоугодия, когда жир капает с шипящего куска мяса, либо от греха пьянства, когда вино проливается из бокалов, зажатых в потерявших твердость руках на грудь и живот пьющего...

– Дьявол! – я потрогал свой колючий подбородок, сконфуженно увидел желтоватое пятно на животе, глубоко задумался о его происхождении, потом вспомнил, что оно коньячное, и понял, что Патрик прав на все сто.

– Будем лаконичны и точны...Их там много? – Патрик снисходительно улыбнулся мне уголками губ.

– Кого?

– Скаутов, конечно. Кого же еще?

– Человек десять. Или пятнадцать.

– Палатки поставили?

– Угу, – я был готов зарыдать. – И флаги повесили. Американский и китайский.

– Флаги меня сейчас не интересуют. Сколько палаток?

– Кажется, пять.

– Годится. Если бы было десять, могло бы и не сработать. А на пять – с лихвой хватит.

– Чего хватит? – Я недоумевал.

– Классический метод борьбы со скаутами, – Патрик оскалился. – Самая гадкая и дешевая водка, понадобится также буханка хлеба. Размачиваешь хлеб в водке, ночью на запах приходит скунс. Жрет все это дело. Тут – главное его не упустить, скунс опьянеет мгновенно и обязательно заснет поблизости в бессознательном состоянии. Берешь его голыми руками и подкидываешь к скаутам. Утром скунс просыпается с жуткой головной болью, ходит вокруг и раздраженно на все гадит своей струей. Вот увидишь, скаутов как рукой снимет.

– Да ну тебя, – я разочарованно махнул рукой. – Мне не смешно, извини. Чувство юмора отказало. Похмельный скунс – это выше моего понимания.

– Ну и зря, не хочешь – не пользуйся. Метод проверенный, его уже несколько поколений использовали. И не только против скаутов. В летних лагерях, в армии, в походах...

– Бред какой-то. – начал сердиться я. – Да откуда я тебе скунса возьму? У тебя что, дома скунс живет?

– Да ими здесь все кишит. Опоссумы, еноты ...

– Ну да, недавно ко мне опоссум приходил, – смутился я. Действительно, с неделю назад по забору, отделявшему мой участок от китайских соседей, разгуливало похужее на крысу существо с длиннющим хвостом и грустными круглыми глазами.

– Скунсы просто более осторожны. Но против такой приманки никто не устоит. Так что, ты наверняка поймаешь одного-двух в первую же ночь.

– Ради всех католических и прочих святых, не издевайся надо мной. – Я пристально посмотрел Патрику в глаза. По нему, собаке, никогда не поймешь, серьезен он, или иронизирует. Морда самая что ни на есть благонамеренная, абсолютно интеллигентная, не говоря уже о тоненьких очках с золотой оправой. Вот только глаза смеются...

– Ну, есть еще один способ, правда, менее эффективный. Заяви всем, что ты голубой и очень любишь мальчиков. И скаутов в особенности. Скажи, что хочешь с ними поиграть, например. Или стать их вожатым .

– Привет, – поморщился я. – Я их потише попросил быть, а они уже чуть было полицию не вызвали. Представляешь, что будет, если я... Сразу же в тюрьму упекут.

– Ты ничего не понимаешь... – Патрик снисходительно растянул губы. – Это - самая безопасная афера, которую ты можешь повернуть. Дискредитация меньшинств, да ты что, телевизор не смотришь? Скорее ты этих своих соседей за решетку отправишь, чем они тебя. Вот увидишь, с этим проблем не будет. Если только...

– Что? – Я внутренне напрягся. – Что ты имеешь ввиду?

– А вдруг они согласятся... – Патрик смутился.

– Никогда! – зарыдал я. – Уеду, я куда-нибудь, уеду. За полярный круг. На землю императора Франца-Иосифа! Пойду искать по свету, где оскорбленному... Тьфу. Ты знаешь, был такой великий русский писатель...

– Поехал бы ты домой, – напутственно махнул рукой Патрик. – Запомни, водку бери самую дешевую и противную, иначе головной боли не будет.

– Спасибо, – идея эта все же представлялась мне дурацкой, и я решил указания Патрика проигнорировать.

Не успел я выйти из машины, приехав домой, как понял, что был не прав и погорячился. На соседнем участке раздавались громкие автоматные очереди с характерным пулеметно-электронным присвистом.

– Окружай предателей! – возбужденно визжал чей-то голосок. – Руки завязывай за спиной! Молчать, презренный иностранный шпион!

– Да вы что, с ума сошли?.. Пустите меня!

– Теперь ты наш пленный. И мы будем с тобой обращаться по законам военного времени.

– Руку ломаешь. Ой ... Уй. Мама! Отпусти, ломаешь! У-у-у-у...

– Брось его! – голосок был совсем детским. – Сосед вернулся!

– Та-та-та-та! – Сквозь дырку в заборе протолкнулся ствол электронного ружья и раздалась окрашенная электронными трелями очередь. – Ура-а-а! Смерть предателям!

Каюсь, злобность и жестокость овладела мной, я даже поднялся в спальню, достал из футляра любимый мой шестизарядный револьвер, и пару раз щелкнул барабаном. Потом я взглянул на себя в зеркало, устыдился, и, разрядив револьвер, в отчаянии поехал в магазин за водкой и хлебом.

Самой плохой и, как ни удивительно, самой дешевой водкой, доступной на территории штата Калифорния, являлась жидкость с ностальгичным названием «Привет», стоимостью в три доллара девяносто девять центов. Выпускалась эта отравка где-то на Урале.

Приехав домой, я тщательно размочил хлебную массу в водке, и, напоминая самому себе сумасшедшего, разложил приманку вдоль забора, отгораживающего мой садик от соседей.

– Господи, – поднял я голову к звездам, мерцавшим в ночном небе. – Дай мне покоя на этой земле. И прости меня за безумие мое. Это – не жертва тебе, не пойми меня превратно, это – акт отчаяния. Если можешь, освободи меня от скаутов всех племен и народов. Если не можешь – пошли мне круглую сумму в твердой валюте в компенсацию морального ущерба.

Произнеся эту незамысловатую молитву, адресованную в космическую пустоту, я отправился спать под становящимися привычными звуки американских и китайских гимнов и радостную переключку.

Разбудил меня громкий металлический скрежет и треск кустов. Потом во дворе что-то булькнуло, снова затрещало и с грохотом свалилось.

Сердце мое забилося. Не иначе как скауты, воодушевленные военно-полевыми игрищами, совершили вылазку в тыл врага. Я накинул халат, вооружился карманным фонариком, потянулся было к револьверу, но смутился, и в целях самообороны прихватил на кухне сковородку с непригорающим дном. Имея богатый опыт общения со скаутскими следопытами и будучи готовым к самому худшему, я вышел в садик... Нет, скаутов нигде не было видно. Вместо них на цементированной дорожке лежал самый что ни на есть вульгарный енот с потешной мордой. Из глаз его катились слезы, мохнатый бок вздымался с неправдоподобной частотой, пушистый хвост подрагивал, а лапы совершали конвульсивные движения. Енот был вне всякого сомнения абсолютно пьян. Я испугался, что зверюге пришел конец и брезгливо толкнул его носком ботинка.

– У-угх. – Зевнул енот, и, неожиданно, вполне по-человечески, повернулся на бок, поджав под себя лапы. О-рх, – вздохнул он, почесав левой лапой мохнатый бок, и вдруг посмотрел на меня совершенно осмысленным взглядом. – У-угх, – зверь в ужасе зажмурился, помотал головой, попытался уползти в сторону, но обмяк и захрапел, приоткрыв пасть.

– Убирайся, – я схватил щетку с колючими пластиковыми усами и ткнул ее еноту в морду. – Брысь! Черт бы все побрал, – В последний раз я видел пьяное животное на картошке в Подмоскowie, тогда однокурсники коварно напоили ежа. Еж этот был слюнявым, слезливо-сентиментальным, и, насколько я помню, представлял собой весьма жалкое зрелище. – Ах, Патрик, Патрик... Скунсы стаями пойдут, как же! – Мне стало обидно, и, схватив садовый шланг, я устроил еноту холодный душ.

– У-угх, – зверь посмотрел на меня вполне укоризненно, и, поднявшись на лапы, нетвердо полез на забор, обламывая ветки на кустах и тем самым производя жуткий треск.

– Пшел вон! Пшел!

– Ррр! – Енот кровожадно оскалился, но, уворачиваясь от струи, свалился с забора к соседям.

Дрожа от холода, я обошел сад и убедился в том, что алкогольная приманка сожрана до остатка, опрокинуто мусорное ведро, пакеты с мусором разорваны, а содержимое их разбросано по участку. Ни одного бесчувственного скунса в окрестности моего участка при этом категорически не наблюдалось.

– Нет, вся эта ерунда не работает! К чертовой матери! Отравлю их! Их же проклятым печеньем. Печенье! – осознал я. – Вот моя надежда и опора.

Когда-то смотрел я по телевизору замечательный старый американский фильм, начала семидесятых годов. Там девушка, переночевавшая у правильного молодого человека, с утра печет ему печенье, и подмешивает в тесто марихуану. К молодому человеку как раз приходят родители, все ссорятся, чуть не убивают друг друга, но, стоит им откусать печенье, как наступают рай и всеобщая любовь на земле...

К сожалению, розовые семидесятые, и даже восьмидесятые, и, что уж там говорить, девяностые уже прошли. О марихуане речь идти не могла, так что мне оставалось одно: подмешать в печенье грубое пролетарское зелье - слабительное.

Задача, стоявшая передо мной, отнюдь не была простой. Мне предстояло найти сильнодействующее средство, к тому же не обладающее горьким вкусом или подозрительным запахом. Наконец, после почти целого дня попыток и неудач, я, как мне показалось, добился удачи. Патентованное средство от запоров «Тройного действия», судя

по рекламе, могло пронести мертвеца. На вкус оно было сладковатым, как разбавленный сахарный сироп. Мука, Яйцо, Какао.. Слабительные пирожные-печенья оказались пышными, и вообще явно удались на славу.

Оставалось только найти исполнителя моего коварного плана. И, чем больше я думал о кандидатуре, тем больше укреплялся в мысли о том, что лучше Марика мне никого не найти.

Курчавый, похожий на библейского отрока, Марик, был сыном моих хороших знакомых, живших в нескольких минутах от моего дома. Папа его, благодаря своему непутевому наследнику, стал преждевременно лыс и циничен, мама напоминала изможденную узницу Освенцима. Словом, Марик был одним из тех самых *l'infante terrible*, которые вдохновляли поэтов и писателей на мрачные и саркастические пророчества, а учителей доводили до самоубийства.

Недаром Марика за последний год выгнали подряд из пяти или шести школ. По слухам, последней своей учительнице он подложил под стул самодельную бомбу, которая взорвалась ко всеобщему удовольствию во время урока, причинив преподавательнице легкие тазовые ранения. К чести Марика, он вышел сухим из воды, доказав свое дутое алиби и избежав колонии для несовершеннолетних.

Мне приходилось быть осторожным – родители Марика и так находились на грани нервного расстройства. Поэтому, пришлось сочинять целую историю, типа того, что я в отпуске, и как раз забираю сына знакомых из школы, в которой учится Марик, так что могу его прихватить и завезу домой...

Стоит ли говорить, как вдохновлен оказался курчавый бесенок моей идеей. Он корчился от смеха на заднем сиденье моего автомобиля, но спустя пять минут подошел к делу весьма прагматически.

– Сорок долларов на карманные расходы, – диктовал мне Марик свой ультиматум. – Плюс, мое условие: «Плэйбой» за ваш счет, поступает в мое личное распоряжение. Хорошо было бы еще пневматическое ружье...

– Еще одно слово, и я найду более сговорчивого помощника, – пригрозил я.

– Дело в шляпе! – презрительно поджал губы Марик. – Сорок баксов, «Плэйбой», бутылка Бренди «Братья во Христе», и можете на меня положиться.

– Сорок баксов плюс «Плэйбой» – прорычал я. – И это мое последнее условие.

– По рукам! – Курчавый чертенок снова начал гадко хихикать.

Несмотря на «Плэйбой» с пышной и грудастой блондинкой на обложке, и две хрустящие бумажки по двадцать долларов, меня не оставляла тревога. Марик исправно исчез с печеньями, вернулся належке. Но как я мог гарантировать, что мое слабительное средство не исчезло в ближайшем мусорном баке?

У соседей явно ничего не происходило. Вернее, скауты продолжали заниматься бодрой строевой подготовкой. К вечеру, вдохновленный равеннями налево, я позвонил Патрику, злорадно сообщив о полном фиаско его гениального плана.

– Да, про енотов я как-то не подумал, – расстроился Патрик. – Ну кто же знал, что скунсы к тебе этой ночью не пришли... Хотя... Слушай, у меня для тебя есть потрясающая идея. Я только что прочел в новостях, – Патрик, похоже, снова издевался надо мной. – Скунсы обожают фруктовый йогурт фирмы «Йоплат». Он в таких конусообразных стаканчиках продается. К твоему сведению, в Америке большой скандал: животные засовывают свои мордашки в баночку, дабы вылизать остатки божественной массы, и застревают. Видимости никакой, воздуха не хватает. Погибель, одно слово. Так вот, только что по «СИ-Эн-Эн» выступал представитель фирмы, они теперь на пластиковых стаканчиках делают выступления, чтобы скунсячьи лапки могли найти точку опоры. Еще, на дне баночки поместили предупреждающую надпись красным цветом.

– Ну да, – Желчь ударила мне в голову. – Дорогой Скунс! Помни, засовывание головы в пластмассовую баночку нашей фирмы опасно для здоровья и может вызвать удушье!

– Не надо надо мной издеваться, – рассердился Патрик. – Я не идиот. Надпись не для скунса, а для человека. А написано там: «Дорогой покупатель! Помни, что скунсы любят засовывать...». Да ну тебя, не веришь, включи «Си-Эн-Эн», или залезь на Интернет.

– О, Кей, спасибо за идею, – пробурчал я.

Через пятнадцать минут я уже несся в ближайший магазин, так как информация, сообщенная мне Патриком, оказалась правдой от первого и до последнего слова. Скандал с задыхающимися от удушья скунсами, похоже, даже затмил разборки с сексуальными безобразиями американского президента, не говоря уже о прочих малозначительных событиях, происходящих вне границ великих и могучих Соединенных Штатов.

Йогурт в конусообразных баночках я нашел без труда. Некоторое время я сомневался, какой именно сорт выбирают привередливые скунсы, но, отчаявшись купил все имеющиеся в наличии сорта: персиковый, банановый, клубничный и голубичный. Все баночки были исправно разбавлены самой ядовитой водкой в окрестностях Сан-Франциско, и выставлены во дворе.

Я всеми силами старался не погрузиться в сон, но увы... Разбудило меня фыркание, громкое и переходящее в хрип.

– Сидоркин, мать твою, кончай храпеть! – разозлился я, вспомнив военные сборы, в раздражении свалился с дивана, окончательно проснулся, и, накинув халат, осторожно вышел во двор.

– Ах ты, какая зверюга. – Служба новостей и общество охраны природы не обманывали – скунс засунул морду в конусообразную банку, и, казалось, хрипя задышался. – Тише, дурачок, – я стянул пластиковую коробочку, обнажив лунному свету греховно измазанную в творожно-кефирной массе симпатичную востроносую мордочку.

Хрип прекратился. Скунс крепко спал, слезы катились из его глаз, и мне стоило значительных душевных мук распрощаться с этим животным, подкинув его на соседний участок.

Ну что же, я сделал все, что мог. Как ни странно, спать мне расхотелось, и я работал до четырех тридцати утра.

К пяти часам у соседей начало происходить что-то странное. Стоны, хриплые и чмокающие похрюкивания, всхлипывания. Потом завывала сирена, еще одна. Потом что-то возбужденно объяснял по-китайски женский голос, мигали на стене голубовато-красные маячки полицейских машин, а к семи часам утра все стихло.

Проснулся я около десяти, и, хватаясь за голову, подошел к окну.

На соседнем участке стоял невысокого роста китаец, и, матерясь вполне по-местному, а также зажимая пальцами нос, поливал то, что еще осталось от скаутских палаток из шланга.

– Твою мать, – агрессивно заявлял он. – Ноги этих идиотов больше не будет в моем доме. За неделю загадили все так, что... Виктор! Виктор!

– Что, папа? – Смущенно заявил высокий и долговязый китаец-пионер, появившись у входа в сад, хватаясь за живот.

– Если ты, паршивец... Если ты посмеешь привести своих дружков... Засранцев! Вонючек! А ну-ка быстро сворачивай палатки, твою...

– Папа!!! Я больше не буду. Прости!

Операция моя явно прошла успешно, самое обидное, что я так до сих пор и не знаю, что именно подействовало на моих пионеров. Засранцы и вонючки, упомянутые отцом

несостоявшихся пионеров, равным образом подтверждали как поносный вариант, так и обонятельные дисфункции соседей, вызванные состоянием глубокого похмелья у свежепойманного скунса.

Так или иначе, скауты больше не возвращались, они исчезли с соседского участка и из моей жизни. Более того, я почти уверен, что китайские эмигранты в Америке не отказываются от телесных наказаний, иначе как объяснить детский визг и плач, который доносился вечерними часами из соседского дома. Как объяснить тот факт, что долговязый парень и пухленький китаенок молча, с самурайским выражением лица, перекопали весь участок и засадили его колючими розами «Звезда Востока»?

Ну что же, все хорошо в этом лучшем из миров. Воздух тут особенно наполнен светом сразу после рассвета. По земле стелется туман... Пахнет влажностью и свежей листвой. Я даже закончил книжку, потом прошло лето и наступила золотая, прохладная и прозрачная осень. Раньше я никогда не замечал этой красоты. Если бы не вся эта история, так что я скаутам теперь даже благодарен...

Дело в том, что мне приходится вставать рано из-за Тимофея. Так я прозвал того самого енота, который нажрался водочного хлеба, предназначавшегося для скунса. Тимофей – хронический алкоголик. Он приходит ко мне каждую ночь, требуя своего. Этот нахал не только приводит своих енотных баб, но, более того, он меня шантажирует. Пару раз я забывал заехать в магазин за спиртовой пропиткой сухих батончиков, так этот мерзавец в знак протеста устраивал самый настоящий погром. Вы когда-нибудь собирали рыбные плавники и хвосты, банановую кожуру и разодранные на мелкие клочки рекламные проспекты, разбросанные по вашему участку?

Если это безобразие повторится еще раз, – я дал себе слово, – я сделаю еще порцию слабительной выпечки, размешаю ее с водкой и скормлю этому жирному нахалу. Уж если я справился с пионерами всех времен и народов, неужели я отступлю перед енотом? Хренушки вам...

.oOo.